

Теория

ПРИТЯЖЕНИЯ

КЭТИ АНДРЕС

18+

Кэти Андрес

Теория притяжения

«Автор»

2026

Андрес К.

Теория притяжения / К. Андрес — «Автор», 2026

Объект исследования: Алиса Смирнова, 33 года. Кандидат наук, замужняя женщина, привыкшая держать всё под тотальным контролем. Раздражитель: Давид Островский. Мировое светило нейробиологии. Циник, манипулятор и мужчина, от одного взгляда которого у Алисы отключается префронтальная кора мозга. Гипотеза: Биология всегда побеждает логику. Алиса выстроила свою жизнь по кирпичику: предсказуемая работа, стерильный брак, правильные привычки. Но когда в институте появляется Островский, её безупречный фасад дает трещину. Между ними вспыхивает интеллектуальная дуэль, которая на самом деле — лишь прелюдия. Одно неосторожное признание, одна разбитая иллюзия, и Алиса оказывается в ловушке. Теперь они работают над одним проектом. Запертые в лабораториях и гостиничных номерах, они изучают природу влечения. Но как сохранить статус коллег, если воздух между ними искрит, а Давид видит Алису насквозь? Это больше не наука. Это точка невозврата.

© Андрес К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кэти Андрес

Теория притяжения

Глава 1

Знаете, в чем главная ирония человеческой природы?

Мы всю жизнь тратим на то, чтобы построить вокруг себя стены.

Стены из дипломов, правильных привычек, социальных ожиданий и «идеальных» браков.

Мы называем это «стабильностью». Мы называем это «счастьем». Мы так боимся хаоса, что бетонируем каждый сантиметр своей души, чтобы, не дай бог, оттуда ничего не проросло.

Но биология — дама циничная. Ей плевать на ваш ремонт и на то, что вы «приличная женщина».

Вы можете надеть на дикого зверя смокинг, научить его пользоваться вилок для устриц и заставить слушать оперу. Но однажды ночью, когда луна будет слишком яркой, а тишина в доме — слишком звонкой, зверь вспомнит, кто он. И он завоет. Не от боли, нет. От скуки. От голода. От того, что этот смокинг жмет в плечах.

Я знаю об этом всё.

У меня докторская степень по психологии, полка с наградами и муж, которого ставят в пример всем холостякам города.

Моя жизнь — это глянцевая картинка из журнала «Домашний очаг».

Только вот почему-то, глядя на этот очаг, мне хочется не греться у огня, а плеснуть туда бензина. Просто чтобы посмотреть, как красиво и жарко он полыхнет.

Я поправила очки, отогнала эти мысли, как назойливую муху, и шагнула к кафедре. Триста пар глаз уставились на меня.

— Когнитивный диссонанс, коллеги, — мой голос звучал твердо, отражаясь от высоких сводов аудитории. Я постучала маркером по белой доске. — Это состояние психического дискомфорта, вызванное столкновением в сознании конфликтующих представлений. Проще говоря: ваш мозг знает, что курить вредно, но ваши руки тянутся к сигарете. Вы хотите быть верной женой, но...

Я сделала паузу.

— Но ваша биология кричит об обратном. И ваш мозг от этого начинает медленно закипать.

Вы ведь сейчас смотрите на меня и думаете: «Какая женщина!». Строгий костюм, юбка-карандаш, которая сидит идеально (спасибо пилатесу и ненависти к углеводам), очки в дорогой оправе. Алиса Викторовна — кремень, профессионал, лектор от бога. Вы, наверное, представляете, что в моей голове только схемы бихевиоризма и планы учебных программ. Что я прихожу домой, надеваю тапочки и пью кефир, обсуждая с мужем индексы инфляции.

Ох, девочки, как же вы ошибаетесь.

Знали бы вы, что прямо сейчас, пока я рассказываю про Фрейда и сублимацию, я думаю вовсе не о науке. Я думаю о том, что у меня под этой строгой юбкой — черное кружевное белье, которое стоит половину моей зарплаты. И надела я его не для кого-то, а просто чтобы почувствовать себя живой. Чтобы ткань терлась о кожу и напоминала мне: я здесь.

Я существую.

Я хочу.

— На сегодня всё, — громко объявила я, стирая с доски схему, которая вдруг показалась мне бессмысленной каракулей. — Эссе на тему «Социальные маски» жду к пятнице. И пожалуйста, своими словами. Я умею пользоваться антиплагиатом лучше вас.

Студенты с шумом начали собираться, хлопая откидными столиками. Я выдохнула. Люблю свою работу, честно. Власть над аудиторией — это тоже своего рода наркотик. Но когда зал пустеет, меня снова накрывает. То самое чувство. Голод.

Дверь распахнулась, и в аудиторию влетела Катя.

Если я — это черно-белое авторское кино с субтитрами, то Катя — это мюзикл в 4К на полной громкости.

Яркая помада, звонкие браслеты и энергетика, от которой вянут цветы на подоконниках кафедры ботаники.

Мы учились вместе, сидели за одной партой, но Катя пошла в административный корпус, потому что, по её словам, «там кофе вкуснее и сплетни свежее».

— Смирнова! — она плюхнулась на первую парту, закинув ногу на ногу. Юбка у неё была, как всегда, на грани фола, но ей это шло. — Ты закончила пытаться детей наукой? Пошли кофе пить, я сейчас умру от недостатка кофеина и новостей.

— Привет, Катя. — сложила ноутбук в сумку, стараясь выглядеть невозмутимой. — Что случилось? Ректор снова запретил парковаться у главного входа?

— Хуже! — она закатила глаза так театрально, что ей позавидовала бы актриса драмтеатра. — Ленка из бухгалтерии опять беременна. Третий раз за четыре года! Я не понимаю, они там вообще работают или занимаются улучшением демографии в рабочее время?

Я усмехнулась.

Катя — моя отдушина. Она единственная знает, что я не робот. Ну, почти единственная.

Мы вышли в гулкий коридор, цокая каблуками. Студенты расступались перед нами, как воды Красного моря.

— Тебе легко говорить, — продолжила она, пока мы шли к институтской кофейне. — У тебя-то всё идеально. Максим — золото, а не мужик. Не пьет, не курит, зарабатывает, пылинки с тебя сдувает. Вы же вчера годовщину отмечали? Пять лет? Что подарил?

— Серьги.

— Вот! — Катя победно подняла палец с безупречным маникюром. — А мой Виталик подарил мне набор, блин, сковородок с антипригарным покрытием! Я ему эти сковородки чуть на голову не надела. Романтика уровня «Бог».

Мы взяли кофе (мне — черный без сахара, ей — латте с тройным сиропом) и сели у окна. Я смотрела на улицу, где октябрьский ветер гонял сухие листья, и думала: «Да, Катя, ты права. Максим — золото».

И в этом-то и проблема.

Максим настолько идеальный, правильный и предсказуемый, что иногда мне хочется его укусить. Просто чтобы проверить, течет ли в нем горячая кровь или дистиллированная вода.

— Ты чего такая кислая? Не понравились серьги? Или жемчуг мелкий?

— Понравились, — соврала я. Ложь далась мне легко, привычно. — Красивые.

Я не стала говорить ей правду.

Я не сказала, что вчера, в нашу годовщину, я надела то самое красное платье с вырезом на спине, которое купила в приступе безумия.

Я зажгла свечи и была готова на всё.

Я хотела, чтобы он взял меня прямо на кухонном столе, сбросив посуду на пол.

А Максим... Максим улыбнулся своей доброй, «золотой» улыбкой, поцеловал меня в лоб и сказал: «Ты много работала, милая. У тебя глаза красные. Давай просто закажем пиццу и посмотрим сериал?».

И мы посмотрели сериал.

А потом он уснул, обняв меня так бережно, словно я хрустальная ваза. А я лежала в темноте, слушала его ровное дыхание и ненавидела себя. Ненавидела за то, что мне мало его заботы. За то, что потом я пошла в ванную, включила воду, открыла на телефоне ту самую секретную папку и...

— Алис! Земля вызывает! — Катя помахала рукой у меня перед лицом. — О чем задумалась? О муже мечтаешь? Глаза аж заблестели.

— Ага. Мечтаю.

Если бы она знала, о ком я мечтаю на самом деле.

В моей голове сейчас был не Максим с его жемчугом. Там был Давид Островский. Гений нейробиологии, чью лекцию о природе дофамина я пересмотрела сегодня утром три раза. Я никогда его не видела вживую, но мой мозг уже нарисовал детальную, пугающе реалистичную картину того, как его сильные, сухие пальцы сжимают мои запястья...

— Ой, смотри, — Катя кивнула в окно. — Твой принц на серебристом коне. Точнее, на «Вольво».

К крыльцу института мягко подкатил автомобиль. Максим. Ровно в 17:00. Ни минутой позже. Пунктуальность — вежливость королей и смерть страсти.

— Ладно, побежала я. До завтра, Кать.

— Целуй мужа! И скажи ему, чтоб дал мастер-класс моему Виталику! — крикнула она мне в след.

Я вышла на улицу. Осенний воздух был холодным и колючим, он немного остудил мои горящие щеки. Максим вышел из машины, чтобы открыть мне дверь. Он выглядел безупречно: светлое пальто, аккуратная стрижка, добрая улыбка. Ни единого изъяна.

— Привет, родная, — он чмокнул меня в щеку. — Как прошла лекция?

— Нормально.

— У меня тоже всё хорошо, — сказал он, выруливая на проспект. — Сегодня заедем в супермаркет, купим рыбу на ужин. Ты не против сибаса?

— Не против.

Я отвернулась к окну. Мимо проплывал город, серый и обыденный, как и вся моя жизнь. Вы скажете: «Алиса, ты с жиру бесишься. У тебя всё есть».

Да, у меня всё есть. Кроме одного.

Я чувствую себя тем самым зверем в смокинге, которого везут в зоопарк, а он мечтает о джунглях.

Максим положил руку мне на колено. Его ладонь была теплой, мягкой и... никакой.

— Ты какая-то напряженная. Плечи каменные. Может, тебе попить магний?

Я едва сдержала истерический смешок. Магний. Конечно. Именно его мне не хватает для полного счастья.

— Может быть, Максим. Может быть.

Ужин прошел под аккомпанемент новостей и стука вилок о тарелки. Сибас был идеальным. Максим разделал рыбу с хирургической точностью, ни одной косточки. Конечно, он же идеальный. Даже рыбу он ест правильно.

Мы переместились в спальню.

Максим тут же оккупировал кровать, включив какой-то канал для автолюбителей. На экране бородастый мужик с упоением рассказывал про подвеску нового внедорожника.

Ирония в том, что Максим в машинах разбирается примерно так же, как я в квантовой физике. Если у него спустит колесо, он скорее вызовет эвакуатор, чем возьмет в руки домкрат. Но он смотрел с умным видом, кивая телевизору. Ритуал «настоящего мужчины» соблюден.

Я стояла в дверях, глядя на него. На мне была короткая шелковая сорочка. Не то самое кружевное белье (его я сняла, чтобы не "шокировать" мужа раньше времени), но тоже ничего.

Внутри меня всё ещё бурлил адреналин после лекции, после разговора с Катей, после мыслей о Давиде.

Мне нужно было это сбросить.

Мне нужна была разрядка.

Я подошла к кровати и, не говоря ни слова, забралась на него сверху. Коленями я уперлась в подушки по бокам от его бедер, перекрывая ему обзор на бородастого автомеханика.

Максим вздрогнул, но руки на мою талию положил.

— Ты чего такая заведенная сегодня? — спросил он, пытаясь заглянуть мне за плечо, где в телевизоре, видимо, показывали что-то невероятно важное про карбюраторы.

Я провела кончиками пальцев по его груди, расстегивая верхнюю пуговицу домашней рубашки.

— Не знаю, — прошептала, наклоняясь к его губам. — Может, пошалим?

Максим вздохнул.

Тяжело так, будто я предложила ему разгрузить вагон угля, а не заняться любовью с собственной женой.

Он мягко, но настойчиво отстранил меня.

— Лис, ну правда, я устал. Ноги отваливаются, полдня по городу катались по объектам. Голова гудит.

Внутри меня что-то оборвалось. Щелк. Охранник в моей голове снова вышел на смену и дал зверю дубинкой по носу.

— Давай завтра, а? — он виновато улыбнулся. — Завтра пятница, выспимся. Обещаю, всё будет.

Отстранилась и села на пятки. Обида жгла горло горячим комом. Опять «завтра». В нашей семье «завтра» — это самый популярный день для секса. Жаль только, что он никогда не наступает.

— Макс, — я старалась, чтобы голос не дрожал, но яд в нем все-таки просочился. — Может, нам тогда график составить? Повесим на холодильник, рядом со списком покупок. Вторник и пятница — исполнение супружеского долга. Четные недели — ты сверху, нечетные

— я. Чтобы я хотя бы знала, когда мне можно подходить, а когда не стоит унижаться и выпрашивать.

Лицо Максима вытянулось.

— Не преувеличивай. Ты же знаешь, какая у меня работа. Стресс, пробки...

— А у меня работы нет, значит? Весь день на курорте была? Я лекции читаю, я пишу статьи, я тоже устаю, Максим! Но я почему-то нахожу силы хотеть тебя. А ты...

— Алис, ну прекрати, — он потянулся к пульту и выключил телевизор. В комнате повисла тяжелая тишина. — Не начинай. Я же сказал: не обижайся. Завтра пошалим, зуб даю. Честное слово.

«Зуб даю».

Господи, как же это... асексуально.

Вся моя игривость, всё возбуждение испарились, оставив после себя только глухое раздражение и чувство собственной неполноценности.

— Спокойной ночи, — буркнула и забралась под одеяло на свою половину кровати, отвернувшись к стене и включила ночник.

Максим быстро поцеловал меня в плечо (откупная жертва богам спокойствия) и через пять минут уже ровно сопел.

Я лежала и смотрела на круг света от лампы.

Вы думаете, я заплакала? Нет. Алиса Викторовна не плачет из-за недотраха. Алиса Викторовна сублимирует.

Я потянулась к тумбочке и взяла книгу. Ольга Вечная. Моя маленькая постыдная тайна. Любовные романы, где мужчины сильные, властные и никогда не говорят «я устал».

Я открыла закладку. Там как раз был самый горячий момент. Героиня (я даже не запоминаю как их зовут, все они в какой-то момент становятся Алисами) и тот самый Дымарский, опасный и дерзкий, наконец-то перестали ходить вокруг да около и перешли к делу.

Я начала читать, жадно глотая строчки и тут случилось, то что обычно и случалось. Я провалилась.

Вместо книжного Дымарского я увидела его.

Давида Островского.

Мое воображение, изголодавшееся и злое, снова сыграло со мной злую шутку. Я отчетливо увидела, как это происходит.

Я прижата к стене в пустой аудитории. И это не абстрактные руки, а те самые руки, которые я видела сегодня на видео. Длинные пальцы с выступающими венами. Сухие, горячие ладони нейробиолога, который знает каждую нервную точку на моем теле.

«Ты ведь этого хотела, Алиса?» — прозвучал в моей голове его низкий голос с хрипотцой.

В фантазии Островский не спрашивал, устала ли я. Он просто намотал мои волосы на кулак, заставляя запрокинуть голову. Его губы были жесткими. От него пахло дорогим табаком и стерильностью. Он смотрел на меня своим «рентгеновским» взглядом, и в этом взгляде не было ни капли жалости. Только чистое, концентрированное желание.

Я почувствовала, как внизу живота скручивается тугий узел. Дыхание перехватило.

Рядом мирно спал мой идеальный муж, который «дал зуб», что завтра всё будет.

А я лежала с книгой в руках, и по моим бедрам растекался жар, вызванный мужчиной, которого я даже не знаю.

Я закрыла глаза, позволяя Давиду Островскому делать со мной в моей голове всё, что ему вздумается.

И поверьте, фантазия у профессора психологии, очень богатая.

Глава 2

Будильник прозвенел в шесть тридцать.

Я открыла глаза и по привычке протянула руку на вторую половину кровати. Холодно. Пусто. Простынь даже не смята — Максим встал часа два назад.

Мой муж — жаворонок.

Патологический.

Он уезжает на работу ни свет ни заря, чтобы «избежать пробок» и «подготовиться к планерке».

Официальная версия звучит именно так.

Но иногда, лежа в остывшей постели, я думаю: может, он просто сбегает? Сбегает от утренней эрекции (которой у него почти не бывает), от моих попыток обнять его со спины, от самой возможности спонтанного секса?

Но знаете что? Я даже рада.

Утреннее одиночество — это мой маленький подарок судьбы. Это время, когда я принадлежу только себе.

Я встала, потянулась, чувствуя, как хрустнул позвоночник, и направилась в ванную. Заперла дверь на щеколду. Глупая привычка, учитывая, что в квартире никого нет, но паранойя — вещь упрямая.

Я открыла нижний ящик под раковиной, отодвинула в сторону запасные рулоны туалетной бумаги, коробку с порошком и достала Его.

Моего лучшего друга.

Моего спасителя.

Моего маленького, розового, силиконового любовника на батарейках.

Это уже второй.

Первый прожил у нас ровно три дня.

Год назад, в приступе откровенности, я предложила Максиму: «Давай попробуем что-то новое?».

Я достала красивую игрушку, которую купила в дорогом "бутике".

Реакция мужа была такой, будто я предложила принести в постель живую змею.

— Алиса, зачем нам этот пластик? — его лицо перекосило от брезгливости. — У нас что, проблемы? Я тебе не нужен? Это вульгарно.

Он выбросил его в мусоропровод тем же вечером. Молча. Как выбрасывают испорченные продукты.

С тех пор я поняла одно правило семейной жизни: хочешь быть счастливой — учись прятать улики.

Второй я купила тайком и спрятала там, куда Максим никогда не заглянет. Под раковиной, среди бытовой химии. Иронично, правда? Средство для прочистки труб и средство для прочистки мозгов в одном месте.

Я включила воду, настроив её погорячее, чтобы пар заполнил кабину. Шум воды заглушил тихое жужжание.

Я закрыла глаза, прижимаясь лбом к прохладному кафелю.

Тридцать два года. Замужем шесть лет. Кандидат наук. И вот я здесь, в семь утра, доставляю себе удовольствие, пока мой муж стоит в пробке на Садовом кольце.

Разрядка наступила быстро.

Яркая, острая, но какая-то... механическая.

Как таблетка от головной боли.

Помогло, но причину не вылечило.

Я выключила воду, спрятала «друга» обратно в его тайник и посмотрела в запотевшее зеркало.

Протерла рукой стекло.

Из зазеркалья на меня смотрела девушка, которой едва ли дашь двадцать пять.

Генетика — страшная сила.

Моя мама в свои пятьдесят выглядит на тридцать пять, и это не комплимент, а медицинский факт.

Ведьмы, не иначе.

У меня нет ни морщин, ни седины, кожа гладкая, как у студентки.

— Ты выглядишь слишком невинно для своих мыслей, Алиса, — сказала своему отражению. — Если бы люди видели тебя насквозь, тебя бы сожгли на костре.

До института мне добираться самой.

Максим забирает меня вечером, это его святая обязанность («Я же забочусь о тебе, милая»), но утром я — птица вольная.

Я люблю метро.

В этом есть какой-то первобытный драйв.

Толпа, запахи, чужие тела, прижатые друг к другу в час пик.

Я спустилась в подземку, погрузившись в гул поездов и человеческого муравейника. Нашла свободное место в углу вагона, достала книгу (нет, на этот раз научную статью, нужно же соответствовать образу), но читать не смогла.

Мой взгляд прикипел к дверям напротив. Там стояла парочка. Совсем молодые, может, первокурсники. Парень в худи, девушка с растрепанным пучком на голове.

Они не просто стояли.

Они пожирали друг друга.

Его рука по-хозяйски лежала на её поясице, почти залезая под куртку, сжимая ткань джинсов. Они целовались так, словно вагон сейчас взорвется, и это их последние секунды на земле. Глубоко, мокро, бесстыдно.

Я видела, как двигаются их челюсти, как её пальцы путаются в его волосах на затылке.

Люди вокруг отводили глаза. Кто-то морщился, какая-то бабушка неодобрительно цокнула языком: «Совсем стыда нет».

А я... я не могла оторваться.

Смотрела на них, как голодающий смотрит на витрину кондитерской. Бессовестно. Жадно.

Я почувствовала, как между ног, где еще недавно все было успокоено холодным душем и механической «помощью», снова начинает тянуть. Сладко, горячо, знакомо.

Это не было возбуждение от красоты. Это было возбуждение от зависти.

Мы с Максимом никогда так не целовались на людях.

Да что там на людях — даже дома, за закрытыми шторами, наши поцелуи были стерильными, как рукопожатие на дипломатическом приеме. Сухие, быстрые, «правильные».

Максим всегда говорил: «Алиса, ну что ты как маленькая? Это вульгарно. Мы же интеллигентные люди».

Вульгарно.

Это слово в нашем браке стало синонимом слова «жизнь».

Я жала книгу до хруста переплета, представляя, каково это — когда чья-то рука вот так, на глазах у всего вагона, сжимает твою талию, пробираясь под пальто. Когда тебя хотят так сильно, что плевать на бабушек, на работу, на приличия.

В этот момент парень оторвался от губ девушки, тяжело дыша. Он что-то шепнул ей на ухо, и она рассмеялась — хрипло, довольно, запрокинув голову.

Я отвела взгляд, чувствуя, как горят щеки.

Вы, наверное, сейчас спросите: «Алиса, ну ты же умная баба. Кандидат наук, психолог. Зачем ты живешь с этим роботом? Почему просто не разведешься и не найдешь себе того, кто будет тебя вот так целовать в метро?»

Хороший вопрос. Логичный.

А я вам отвечу.

Вот живете вы до двадцати шести лет, не зная, что такое нормальная человеческая забота. Что такое, когда вам открывают дверь, когда помнят, какой кофе вы пьете, когда накрывают пледом, если вы уснули с книжкой.

Вы думаете, я всегда была такой «леди»? До Максима у меня тоже были мужчины. Я не ходила в девках до пенсии, поверьте.

Были. Разные. Веселые, грубые, умные, тупые.

Но все это был... просто секс.

Быстрый, техничный, иногда даже хороший, но пустой, как картонная коробка. Никто из них не воспринимал меня всерьез. Я была для них «классной девчонкой», с которой можно переспать, выпить пива, обсудить Фрейда, а потом исчезнуть в тумане, забыв поздравить с днем рождения. Я была удобным вариантом. «Перевалочным пунктом».

А потом появился Максим.

И он не потащил меня в постель на первом свидании.

Он подарил цветы. Отвез меня домой на такси, проследив, чтобы я зашла в подъезд. Он слушал мои лекции про бихевиоризм с таким видом, будто я открываю ему тайны вселенной.

С ним я впервые почувствовала себя не просто «телом», не просто «умной девочкой».

С ним я почувствовала себя Принцессой.

Нет, берите выше — Королевой.

Он построил вокруг меня хрустальный замок. Он сдувал с меня пылинки. Он сделал мою жизнь безопасной, предсказуемой и... теплой.

Как можно бросить человека, который дал тебе то, чего ты была лишена всю жизнь? Как можно сказать ему: «Знаешь, ты слишком хороший, пошел вон»?

Это же предательство. Это неблагодарность.

Вот и получается: днем я живу в сказке про Золушку, которая наконец-то вышла замуж за Принца. А ночью... ночью я превращаюсь в голодного волка, который воет на луну и мечтает разорвать кого-нибудь зубами.

Поезд резко затормозил, вырывая меня из раздумий. «Станция Университет».

Я поправила юбку, приладила волосы и шагнула на перрон.

Королева едет на работу.

А волк... волк подождет до вечера. У него сегодня свидание с Давидом Островским в моей голове.

Я вошла в свою аудиторию за двадцать минут до начала пары.

Здесь было тихо и пахло знаниями — то есть, старой бумагой, полиролью для мебели и немного пылью.

Мое убежище. Мой храм.

Я разложила на кафедре конспекты, проверила маркеры (черный — пишет, красный — высох, как и моя сексуальная жизнь), включила проектор.

Я была готова нести свет науки в неокрепшие умы.

Но у вселенной, как выяснилось, на это утро были другие планы.

Дверь распахнулась без стука. В аудиторию влетел наш ректор, Павел Сергеевич.

Павел Сергеевич — человек хороший, но суетливый. Он похож на хомяка, который пытается спрятать орех, пока никто не видит. Вечно потеет, вечно куда-то опаздывает и вечно боится Министерства.

— Алиса Викторовна! — выдохнул он, промокая лоб платком. — Слава богу, вы здесь. Вы-то мне и нужны.

Я внутренне напряглась.

Обычно такие заходы не сулят ничего хорошего. Либо внеплановая проверка, либо субботник, либо мне придется писать отчет за всю кафедру.

— Доброе утро, Павел Сергеевич. Чем обязана?

— У нас ЧП! То есть, не ЧП, а радость великая, но как снег на голову, — он замахал руками. — Мы выиграли тот самый грант на цикл лекций «Нейробиология поведения в современной культуре». Помните?

— Помню, но лектор должен был приехать только в следующем месяце.

— У него изменились планы! — трагическим шепотом сообщил ректор. — График сдвинулся. Он уже здесь! Прилетел утренним рейсом. Звезда мировой величины, светило! И, Алиса, я вас умоляю, вы должны его курировать. Вы у нас самая презентабельная, английский знаете, да и тема ваша смежная.

Я подавила вздох.

Ну конечно. «Самая презентабельная».

Перевод: «Алиса, ты единственная, кто не выглядит как библиотечная моль и не падает в обморок при виде живого мужчины».

— Кто это хоть? — спросила я, лениво перебирая бумажки. — Надеюсь, не тот старик из Новосибирска, который плюется, когда говорит про синапсы?

— Что вы! — ректор округлил глаза. — Это величина! Он сейчас в коридоре, у него важный звонок из Лондона. Не хотел мешать. Сейчас войдет. Алиса, будьте с ним... помягче. Говорят, характер у него скверный, гениальный, но тяжелый.

Я хмыкнула.

Скверный характер. Отлично. Значит, мне две недели нянчиться с каким-нибудь самолюбленным снобом, который будет учить меня жизни.

— Хорошо, Павел Сергеевич. Я буду само очарование. Пусть ваш профессор заходит.

Ректор просиял и метнулся к двери, открывая её пошире, словно приглашая в зал королевскую особу.

— Прошу вас, коллега! Проходите, мы вас заждались.

Я даже не подняла голову. Дописывала тему лекции в ежедневник.

Мне было, честно говоря, плевать. Пусть хоть Папа Римский.

Я услышала шаги.

Не шарканье старика, не суетливый топот студента. Это были тяжелые, уверенные шаги человека, который привык, что пространство вокруг него подчиняется его ритму.

— Прошу прощения за задержку, — раздался голос.

Моя рука с ручкой замерла над бумагой.

Этот голос.

Низкий, бархатный баритон с легкой, едва уловимой хрипотцой.

Голос, который я слышала сотни раз в наушниках, пока ехала в метро.

Голос, под который я засыпала.

Голос, который шептал мне непристойности в моих самых смелых снах.

Нет.

Быть того не может.

У меня галлюцинации на фоне недосыпа.

Я медленно, очень медленно подняла голову.

В дверях стоял он.

Давид Островский.

В жизни он оказался... масштабнее.

Экран ноутбука безбожно врал, делая его плоским.

Здесь же, в трех метрах от меня, стояла чистая, концентрированная маскулинность.

Ему было около тридцати восьми. Высокий, широкоплечий. Темно-синий костюм сидел на нем так, словно его шили прямо на теле — ни одной лишней складки. Белая рубашка, верхняя пуговица расстегнута (господи, спасибо тебе за эту деталь), открывая вид на крепкую шею и кадык.

Темные волосы были в легком художественном беспорядке, словно он только что провел по ним рукой. Но главное — лицо. Резкие скулы, волевой подбородок с легкой щетиной (не той, что от лени, а той, что от стиля) и глаза.

Глаза цвета холодного эспрессо. Умные. Ироничные. Опасные.

Он убрал телефон во внутренний карман пиджака и посмотрел на меня.

В этом взгляде не было ничего от «скудного профессора». Он скользнул по мне, как сканер. Оценил осанку, строгую блузку, очки, сжатые губы.

Мне показалось, что он видит меня голую. Не в пошлом смысле, а в научном. Словно он уже разобрал меня на атомы, изучил мои нейронные связи и понял, что я — ходячий комок подавленных желаний.

— Познакомьтесь, — щебетал где-то на фоне ректор, но его голос звучал как из бочки. — Это наша гордость, Алиса Викторовна. А это...

— Давид, — он шагнул вперед, игнорируя ректора.

И тут я увидела их.

Его руки.

Те самые.

Он протянул мне правую руку для приветствия. Широкая ладонь. Длинные, музыкальные пальцы. Аккуратные, коротко остриженные ногти. На запястье, из-под белоснежной манжеты, выглядывали массивные часы, а чуть ниже вздувалась вена, пульсирующая жизнью.

Я видела эти руки на видео, когда он чертил схемы мозга на доске. Я представляла, как эти руки сжимают мое горло. Я знала анатомию этих рук лучше, чем собственное лицо.

И сейчас эта рука тянулась ко мне.

У меня пересохло в горле. Сердце ухнуло куда-то в район желудка и там застряло.

«Дыши, Алиса. Ты ученый. Ты профессионал. Не падай в обморок и, ради всего святого, не стони».

Я заставила себя сделать шаг навстречу. Мои ноги казались ватными.

Я протянула свою ладонь. Она дрожала. Совсем чуть-чуть, но я знала, что он это заметит. Он же нейробиолог, черт возьми. Он читает микрореакции как открытую книгу.

— Доброе утро... — мой голос предательски сипул, и мне пришлось откашляться. — Доброе утро. Алиса.

Его пальцы сомкнулись вокруг моей ладони.

Его кожа была сухой и горячей. Твердой. Это было не вялое рукопожатие Максима. Это был захват. Уверенный, сильный, властный.

Меня словно ударило током в 220 вольт. Импульс прошел от кончиков пальцев прямо в низ живота, скручивая там всё в тугий, горячий узел.

Он не отпустил мою руку сразу. Он задержал её на секунду дольше, чем требовали приличия. Его большой палец едва заметно скользнул по моему запястью, прямо там, где билась жилка.

Я знала, что он делает.

Он считал мой пульс.

И, судя по тому, как уголок его губ дрогнул в едва заметной, дьявольской усмешке, он насчитал ударов сто двадцать в минуту.

— У вас ледяные руки, Алиса, — произнес он тихо. Его голос вибрировал в воздухе, заполняя собой всю аудиторию. — Волнуетесь? Или я вас пугаю?

Я подняла глаза и встретилась с ним взглядом. В его темных глазах плясали бесята. Он всё понял. Он, сукин сын, всё понял с первой секунды.

— Просто кондиционер, — выдавила, чувствуя, как краска заливает лицо. — У нас тут... прохладно.

Он, наконец, разжал пальцы, выпуская мою руку из плена. На коже остался фантомный ожог.

— Ничего, — сказал Давид Островский, не разрывая зрительного контакта. — Думаю, мы найдем способ согреться. Работы предстоит много.

Я сглотнула.

Павел Сергеевич прав: это ЧП.

Только масштаб катастрофы он даже представить себе не мог.

Моя фантазия только что ожила и вошла в дверь.

Глава 3

Ректор, довольный тем, что струзил на меня мировую знаменитость, как мешок картошки, испарился в коридоре со скоростью звука.

Мы остались вдвоем.

Точнее, в аудитории уже начали собираться студенты, создавая спасительный белый шум, но для меня в комнате был только он.

Давид огляделся, оценивая обстановку.

— Неплохая аудитория, — заметил он, сунув руки в карманы брюк. — Акустика хорошая?

— Сносная, — буркнула я. — Давид Александрович, вы, наверное, устали с дороги? Перелет, смена поясов... Может, вам поехать в отель? Отдохнуть, принять душ? Я пришлю вам расписание на почту.

Я молилась: «Уходи. Пожалуйста, уйди. Мне нужно проветрить помещение и свою голову. Если ты останешься, я начну заикаться».

Он посмотрел на часы на своем запястье.

— В отеле скучно, Алиса. А сон для слабаков. — Он усмехнулся, и у меня внутри что-то перевернулось. — Я бы с удовольствием послушал вашу лекцию. Ректор сказал, вы лучший лектор на потоке. Любопытно взглянуть на методы коллеги. Вы не против?

«Против! Категорически против! Твое присутствие нарушает мою экосистему!»

— Конечно, — выдавила я, растягивая губы в улыбке. — Буду... польщена. Только тема сегодня специфическая. Вводная. Может быть скучно для специалиста вашего уровня.

— Я умею находить интересное в скучном.

Он прошел вглубь аудитории и сел на последнем ряду, в самом центре.

Как хищник в засаде.

Мужчина закинул ногу на ногу, достал блокнот (черт, он еще и записывать будет?!) и уставился на меня.

Я почувствовала себя бабочкой, приколотой булавкой к пробковой доске.

Студенты затихли.

Они, конечно, заметили нового «слушателя».

Девочки с третьего ряда уже начали поправлять прически и стрелять глазками на галерку. Еще бы. Давид Островский в жизни выглядел как грех, завернутый в дорогой костюм.

Я глубоко вздохнула.

«Соберись, Смирнова. Ты профессионал. Это просто коллега. Просто мужик. У него тоже урчит в животе и бывает насморк. Не делай из него идола».

— Итак, — мой голос дрогнул, но я быстро выровняла тон, сделав его ниже и увереннее. — Тема сегодняшней лекции: «Биология влечения. Почему мы выбираем тех, кто нас разрушает».

Давид на заднем ряду чуть приподнял бровь. Я мысленно показала ему язык. Хотел шоу? Получай.

— Вы думаете, что ваш выбор партнера — это результат осознанного решения? — я начала ходить вдоль кафедры, чувствуя спиной его взгляд. Он жег меня через ткань пиджака. — Вы думаете, что влюбились в Машу или Петю, потому что они добрые, умные и любят котиков? Чушь.

Я резко остановилась и посмотрела в зал, избегая смотреть на последний ряд.

— Вы выбираете запах. Вы выбираете иммунную систему, отличную от вашей. Вы выбираете симметрию лица. Ваш мозг сканирует партнера за 0,2 секунды и выносит вердикт: «Годен

для размножения». А все эти «люблю, не могу» — это просто дофаминовая ловушка, чтобы вы не сбежали до того, как сделаете детей.

Студенты строчили как сумасшедшие.

А я чувствовала, как меня накрывает.

С каждым словом о «химии тела» я всё острее ощущала свою собственную химию.

Я знала, что он смотрит.

Я чувствовала его взгляд.

Мое тело реагировало предательски, мгновенно.

Там, внизу, стало влажно. Горячо. Ткань белья неприятно и сладко липла к коже.

Я говорила о нейромедиаторах, а сама думала о том, как бы я сейчас раздвинула ноги прямо на этом столе, смахнув конспекты на пол.

— Алиса Викторовна! — подняла руку бойкая студентка с первого курса. — Но ведь есть же еще интеллект! Нам нравятся умные люди. Это же не просто биология?

— Отличный вопрос, Лена, — я облокотилась о кафедру, чуть подавшись вперед. Бедро отозвалось сладкой пульсацией. — Интеллект — это, безусловно, сексуально. Сапиосексуальность — слышали такой термин? Мозг — это самая большая эрогенная зона. Если кто-то умеет красиво говорить, решать сложные задачи и... доминировать интеллектуально, это вызывает выброс тех же гормонов, что и физическое прикосновение.

Я рискнула. Подняла глаза на последний ряд.

Давид не писал.

Он сидел, откинувшись на спинку стула, и внимательно слушал. Его поза была расслабленной, но взгляд... Взгляд был сосредоточенным.

И тут он сделал это.

Обычный жест. Ничего пошлого. У него, наверное, пересохли губы от кондиционера.

Он медленно, задумчиво провел языком по нижней губе. Облизнул её, а затем слегка прикусил зубами, глядя мне прямо в глаза.

Мир схлопнулся.

У меня перехватило дыхание, словно меня ударили под дых.

Этот влажный блеск на его губах. Это движение языка...

Моя фантазия тут же дорисовала остальное.

Представила, что этот язык сейчас касается не его губы, а меня. Там. Глубоко.

Влага стала почти ощутимой. Коленки дрогнули, и мне пришлось крепче вцепиться в край кафедры, чтобы не сползти на пол.

«Господи, Алиса, ты течешь. Ты стоишь перед тридцатью студентами и своим кумиром и буквально течешь от того, что мужик просто облизнул губы. Ты безнадежна».

В аудитории повисла тишина. Я молчала непозволительно долго.

— Эм... Алиса Викторовна? — робко позвала Лена.

Я моргнула, возвращаясь в реальность.

Давид на заднем ряду слегка наклонил голову набок, словно изучая меня под микроскопом. В его глазах мелькнула искра понимания. Он, черт возьми, видел, что я «поплыла». Он не мог этого не видеть. Он же нейробиолог. Расширенные зрачки, сбившееся дыхание, румянец на шее — я для него открытая книга.

— Да. Извините. Задумалась о... практическом примере. Так вот. Интеллект возбуждает, потому что это признак сильных генов. Способность выжить. Способность... взять то, что хочешь.

Я отвернулась от зала, делая вид, что мне срочно нужно поправить слайд на проекторе.

Оставшиеся пятьдесят минут превратились в изощренную пытку испанской инквизиции.

Я говорила. Мой рот открывался и закрывался, произнося правильные, заученные годами термины. Я рассказывала про зеркальные нейроны, про то, как окситоцин формирует привя-

занность, и почему «бабочки в животе» — это всего лишь стрессовая реакция организма на угрозу.

Иронично, правда?

Я объясняла студентам природу стресса, пока мой собственный уровень кортизола пробивал крышу института.

Каждую секунду я чувствовала его взгляд. Он не записывал. Он просто сидел, вальяжно откинувшись на спинку стула, и крутил в пальцах дорогую ручку.

Я считала минуты. Сорок пять. Тридцать. Пятнадцать.

Господи, ну почему в реальной жизни никогда не происходит, как в кино? Где пожарная тревога? Где внезапное наводнение? Ну пусть у него зазвонит телефон! Пусть ему позвонят из Нобелевского комитета, из Кремля, да хоть из ЖЭКа, и он срочно убежит решать вопросы мировой важности!

«Позвоните ему кто-нибудь», — мысленно умоляла, рисуя маркером схему лимбической системы. — «Уведите его отсюда, пока я не начала заикаться или не сняла пиджак, потому что здесь стало невыносимо жарко».

Но телефон молчал. Потолок не рухнул. А Давид Островский продолжал сидеть, как сфинкс, охраняющий вход в пирамиду моего здравомыслия.

— ...Таким образом, биология побеждает логику в девяти случаях из десяти, — выдохнула я, глядя на часы. Секундная стрелка наконец-то доползла до двенадцати. — На этом сегодня всё. Всем спасибо, все свободны.

Звонок прозвучал для меня как ангельская труба.

Аудитория мгновенно ожила.

Студенты повскакивали с мест, загремели сумками, загалдели, обсуждая планы на вечер. Я начала сгребать свои вещи в сумку с такой скоростью, будто воровала их.

«Быстрее, Алиса. Просто уйди через боковую дверь. Сделай вид, что у тебя срочное совещание в женском туалете».

Но я не успела.

Поток студентов схлынул, и я увидела, как он поднимается со своего места. Он шел против течения, разрезая толпу выходящих, как ледокол.

Спокойный. Уверенный. Неотвратимый.

Он подошел к кафедре, когда последний студент скрылся за дверью. В пустой аудитории повисла звенящая тишина.

Я замерла, прижимая к груди папку с лекциями, как щит.

— Bravo, — тихо произнес он. В его голосе не было иронии, только спокойная оценка. — «Биология побеждает логику». Мне понравилась эта фраза. И про дофаминовую ловушку — очень точно. Вы талантливый лектор, Алиса.

Я почувствовала, как щеки снова предательски розовеют. Похвала от кумира — это удар ниже пояса.

— Спасибо, Давид Александрович. Стараюсь держать марку перед... гостями.

Он подошел чуть ближе. Настолько, что я уловила его запах — сводящий с ума.

— Вы собирались сбежать? — спросил он, глядя мне прямо в глаза. Уголок его рта чуть дрогнул.

— Что? Нет, конечно, — соврала, поправляя очки. — У меня просто... много дел. Отчеты, планы...

— Жаль, — он посмотрел на часы, а потом снова на меня. — А я надеялся, что вы не забыли про обещание ректора. Вы ведь мой куратор. И, кажется, вы должны мне экскурсию по институту?

Он улыбнулся.

И от этой улыбки — вежливой, но с каким-то хищным подтекстом — у меня внутри всё оборвалось.

— Я здесь впервые, Алиса. Боюсь заблудиться в этих коридорах. Покажете мне ваши владения?

Я сглотнула, понимая, что ловушка захлопнулась. Никакой пожарной тревоги не будет. Только я, он и коридоры института.

— Конечно, — мой голос прозвучал обреченно. — Идемте. Я всё покажу.

Глава 4

Стук моих каблучков — нервный, частый, как пульс кролика.

Его шаги — размеренные, тихие. Подошва его туфель (итальянская кожа, ручная работа, стоит как моя почка) ступала по нашему потертому линолеуму с таким достоинством, словно это был красная дорожка в Каннах.

Я чувствовала себя экскурсоводом в музее, где главный экспонат — не картины на стенах, а мужчина, идущий рядом.

— Здесь у нас библиотека, — махнула я рукой в сторону стеклянных дверей, стараясь не смотреть на его профиль. — Фонд редких книг, доступ к международным базам данных... В общем, гордость института.

Давид кивнул.

Никаких сальных улыбочек, никаких намеков.

Его лицо было серьезным, даже немного скучающим.

— Обновление фонда когда было последним? — спросил он, глядя поверх моей головы на пыльные стеллажи.

— В прошлом году. Грант Министерства.

Он хмыкнул.

Просто хмыкнул, но в этом звуке было столько красноречия! Словно он сказал: «Понятно, Алиса. Вы тут выживаете на подножном корму, а я привык к шведскому столу».

И знаете, что самое ужасное?

Меня это заводило.

Этот его снобизм. Эта профессиональная отстраненность.

Я шла рядом и чувствовала себя полной дурой.

Пять минут назад в аудитории я готова была отдаться ему на столе, а он... он просто работает. Он думает о бюджетах, о лекциях, о науке.

А я думаю о том, как бы выглядели эти серьезные губы, если бы они шептали мое имя, а не спрашивали про финансирование.

— А это Анатолий Борисович, — я затормозила у кафедры философии, где наш местный «Сократ» пытался починить кофемашину. — Заведующий кафедрой.

Анатолий Борисович — мужчина хороший, но в его бороде вечно застревают крошки, а пиджак пахнет нафталином. Увидев нас, он расплылся в улыбке, обнажив желтоватые зубы.

— О-о-о! Наша звезда! — он кинулся жать Давиду руку. — Читал ваши статьи, батенька, читал! Спорно, конечно, про детерминизм, но свежо!

Я замерла, ожидая, что Давид сейчас вежливо пошлет его куда подальше своим интеллектуальным авторитетом.

Но Островский остался невозмутим.

Он пожал потную ладошку философа своей мраморной рукой.

— Наука — это поле для споров, коллега, — ответил он ровно. — Рад, что моя работа вызывает дискуссию.

Он был вежлив.

Идеально, стерильно вежлив.

Как дипломат в стране третьего мира.

И от этого контраста — мой потный, суевливый коллега и этот монумент спокойствия — мне захотелось взвыть.

Почему вокруг меня одни... обычные мужчины?

Почему этот экземпляр — один на миллион?

Мы двинулись дальше.

— Кафедра лингвистики, — я указала направо. — Лаборатория когнитивных исследований, — налево.

Давид задавал вопросы. Много вопросов.

— Какое оборудование используете для ЭЭГ?

— Сколько аспирантов на потоке?

— Есть ли у вас этический комитет?

Он не смотрел на мои ноги. Он не смотрел на мою грудь, которая вздымалась от быстрой ходьбы (я еле поспевала за его широким шагом). Он смотрел на стены, на расписание, на оборудование.

Для него я была функцией.

Говорящим навигатором.

«Ну же, посмотри на меня!» — кричал мой внутренний голос. — «Я тут, я живая, я пахну твоими любимыми духами (я читала в интервью, что тебе нравится сандал)! Хватит спрашивать про смету!»

Но он не смотрел.

И это игнорирование действовало на меня хлеще любого флирта.

Это была попытка равнодушием.

Я чувствовала себя невидимой, и от этого мне хотелось сделать что-то безумное, чтобы он меня заметил. Громко рассмеяться? Споткнуться? Уронить папку?

Мы подошли к лестнице.

Лифт у нас, как водится, не работал («Профилактика», — гласила табличка, висевшая там со времен перестройки).

— Нам на четвертый. Придется пешком.

Давид лишь кивнул и легко взбежал на первую ступеньку.

Я поплелась следом.

И тут мне открылся вид.

Ох, девочки.

Вид сзади.

Брюки сидели на нем идеально. Когда он поднимался, мышцы бедер напрягались под дорогой тканью. Я видела, какая у него мощная спина, как двигаются лопатки под пиджаком.

Я шла сзади, уставившись на его задницу, как маньяк. Я буквально гипнотизировала его ягодицы.

«Алиса Викторовна, кандидат наук, 32 года. Диагноз: спермотоксикоз в терминальной стадии».

— Вы не устали, Алиса? — он вдруг остановился на пролете и обернулся.

Я чуть не врезалась в него носом.

— Нет! — выдохнула, хотя дыхание сбилось к чертям (от вида, а не от лестницы). — Спорт — это жизнь.

Он посмотрел на меня сверху вниз.

Солнце из окна падало на его лицо, делая глаза почти янтарными.

— У вас пульс частит, — заметил он спокойно. Без улыбки. Просто констатация медицинского факта. — И щеки красные. Вам бы кардио проверить.

Он развернулся и пошел дальше.

Кардио.

Он думает, мне нужно к кардиологу.

А мне нужно к психиатру. Или в секс-шоп. Или в монастырь.

— Давид Александрович, — я решила перехватить инициативу, пока окончательно не превратилась в лужицу. — А почему вы вообще согласились к нам приехать? У вас же... уровень другой. Лондон, гранты. А тут мы.

Он остановился у двери ректората. Положил руку на ручку двери.

Его пальцы.

Снова эти пальцы.

— Иногда полезно спуститься с небес на землю, Алиса, — ответил он, не глядя на меня.

— В стерильных лабораториях скучно. А здесь... здесь есть жизнь.

Он открыл дверь.

— После вас.

Я прошла мимо него, едва не касаясь плечом его груди. Меня снова обдало его запахом.

«Здесь есть жизнь», сказал он.

Надеюсь, он не имел в виду ту самую жизнь, которая сейчас бурлила в моем нижнем белье и стучала в висках молотом.

Потому что если он приехал искать «жизнь», то я — самый живой экспонат в этом здании.

И самый опасный.

Мы подходили к административному крылу.

Я молилась всем богам, известным науке (и даже парочке языческих), чтобы мы прошли этот участок тихо и без жертв.

Я надеялась проскочить мимо кабинета Кати незамеченной.

Наивная.

Катя обладает встроенным радаром на сплетни и красивых мужиков.

Она материализовалась в коридоре, как джинн из бутылки, только вместо волшебного дыма её окутывал аромат ванильного латте.

В руках — стопка папок, на губах — ярко-красная помада, в глазах — священный ужас пополам с восторгом.

Она увидела нас.

Точнее, она увидела Его. Папки в руках опасно накренились.

— О господи... — выдохнула она так громко, что пара студентов обернулась. — Это же он!

Я зажмурилась.

«Нет, Катя, нет. Просто пройди мимо. Сделай вид, что ты несешь секретные документы в Пентагон. Не останавливайся».

Но Катя уже неслась к нам, цокая каблучками, как радостный пони.

— Алиса! — завопила она, игнорируя субординацию. — Ты почему молчала?! Это же Давид Островский! В живую!

Давид остановился.

Он посмотрел на Катю с вежливым, но слегка ошарашенным интересом, как смотрят на говорящего попугая в зоопарке.

— Добрый день, — произнес он своим бархатным голосом.

Катя чуть не выронила папки.

Я видела, как у неё расширились зрачки.

Ну всё, подруга поплыла. Добро пожаловать в клуб.

— Познакомьтесь, Давид Александрович, — обреченно сказала я, желая провалиться сквозь паркет прямо в подвал к крысам. — Это Екатерина, наш методист. И моя... коллега.

— Очень приятно.

— А уж мне-то как приятно! — выпалила Катя, сияя как начищенный самовар. — Вы не представляете! Мы тут все ваши фанаты, но Алиска... Ой, то есть Алиса Викторовна... Она же ваша главная поклонница!

Мое сердце остановилось. Потом сделало сальто и рухнуло в пятки.

«Замолчи. Умоляю, замолчи. Я куплю тебе те туфли, только заткнись».

— Правда? — Давид медленно повернул голову ко мне. — Поклонница?

— Ой, да не скромничай, Лис! — Катя махнула рукой, окончательно забывая гвоздь в крышку моего гроба. — Она ваши лекции ночами смотрит запоем! Я к ней как ни приду, у неё вечно ваш голос из ноутбука. Она знает все ваши теории наизусть! Даже цитирует иногда, когда выпьет... ой.

Катя прикрыла рот ладошкой, осознав, что ляпнула лишнее. Но было поздно. Информация ушла в эфир.

Я стояла красная, как помидор, и мечтала об инфаркте. Мгновенном и безболезненном.

Давид смотрел на меня.

Теперь в его взгляде было не просто вежливое равнодушие. Там было искреннее, неподдельное удивление. И, черт возьми, довольство.

— Вот как? — протянул он, и уголок его губ дрогнул. — Не знал, что у меня такая... преданная аудитория среди преподавательского состава. Значит, слушаете мои лекции по ночам, Алиса?

Он выделил “ по ночам”. Или мне показалось? Нет, не показалось. Этот гад издевается. Я нервно поправила очки, пытаюсь собрать остатки достоинства в кулак.

— Екатерина преувеличивает, — мой голос звучал тонко и неубедительно. — Я просто слежу за современными тенденциями в нейробиологии. Это... профессиональный интерес. Исключительно для повышения квалификации.

Я метнула в Катю взгляд, обещающий ей медленную и мучительную смерть.

Подруга, поняв, что натворила, бочком-бочком начала отступать к своему кабинету.

— Ну, вы тут общайтесь, повышайте квалификацию, а я побежала! Отчеты не ждут! Было приятно познакомиться, Давид... Александрович! Вы супер!

Она испарилась, оставив меня один на один с хищником, который только что узнал, что жертва сама лезет к нему в пасть.

Давид сунул руки в карманы и шагнул ко мне. Ближе. Еще ближе. Зона моего личного комфорта была нарушена и растоптана.

— Профессиональный интерес, говорите? — он чуть склонил голову набок, изучая мое пуанцовое лицо. — Похвально. Редко встретишь такую тягу к знаниям.

Я молчала, глядя в пол.

Чувствовала себя школьницей, которую поймали с сигаретой.

— А скажите, Алиса, — его голос стал вкрадчивым, мягким, усыпляющим бдительность. — Раз уж вы так глубоко погружены в тему... Вы видели мой вебинар из Цюриха? Тот, что про влияние кортизола на принятие решений у приматов? Кажется, это был май двенадцатого года. Очень спорная...

— Это было в Женеве, — выпалила, резко вскидывая голову. — И не в двенадцатом, а в четырнадцатом году. И речь шла не о приматах, а о грызунах. У приматов другая корковая структура, вы сами говорили, что переносить эти данные некорректно.

Слова вылетели пулеметной очередью. Я замерла с открытым ртом. Тишина.

Я только что перебила мировую звезду.

Я только что поправила его, как нерадивого студента.

И я только что расписалась в том, что знаю его биографию и труды лучше, чем он сам.

Давид медленно, очень медленно улыбнулся.

Это была не дежурная улыбка. Это была улыбка кота, который поймал мышь и теперь собирается с ней поиграть.

— Женева. Четырнадцатый год. Грызуны, — повторил он тихо, смакуя каждое слово. — Вы абсолютно правы.

Он сделал шаг вперед, нависая надо мной.

— Вы меня поймали. Надо же... Какая внимательность к деталям. Я впечатлен.

Он специально.

Он, сукин сын, специально ошибся, чтобы проверить меня. Это был тест. И я провалила его с треском, сдав себя с потрохами.

— Я... у меня просто хорошая память.

— О, я не сомневаюсь, — он смотрел мне прямо в глаза, и мне казалось, что он видит не только мою память, но и ту папку на моем ноутбуке, и мои сны, и то, что сейчас происходит с моим телом под этой строгой юбкой. — Память у вас, отличная.

Он подмигнул.

Мне показалось? Нет? Профессор Давид Островский, светило науки, только что подмигнул мне в коридоре провинциального вуза?

— Идемте дальше, Алиса, — сказал он бодро, разворачиваясь к лестнице. — Вы мне еще столовую не показали. Я вдруг... проголодался.

Господи, спаси меня.

Глава 5

Я сижу на кухне в полной тишине.

Передо мной бокал красного сухого (уже второй, но кто считает?), а за окном мигает огнями ночной город.

Максим привез меня домой, высадил у подъезда, как мешок с картошкой, и умчался в туман.

— Деловая встреча, — бросил он, даже не глуша мотор. — Буду поздно. Не жди.

Раньше я бы расстроилась.

Начала бы греть ужин, слать ему смайлики с сердечками и волноваться, не голоден ли мой котик.

Но сегодня? Сегодня я готова открыть шампанское. Потому что, если бы он зашел в квартиру, я бы, наверное, начала кричать. Или смеяться истерическим смехом.

Потому что мое тело всё еще там. В коридоре института. Три часа назад.

Я делаю глоток вина, закрываю глаза и прокручиваю этот момент снова и снова, как любимый эпизод сериала.

Мы шли по коридору. Давид молчал, переваривая мою «экскурсию» и тот неловкий момент с Катей. Я чувствовала себя так, словно иду по канату над пропастью.

И тут зазвонил телефон.

Максим.

Я выдохнула с облегчением. Спасение! Мой надежный, спокойный, идеальный муж сейчас заберет меня из этого гормонального ада.

— Прошу прощения, — я виновато улыбнулась Давиду и ответила на звонок. — Да, милый?

— Ты где? — вместо приветствия рявкнул он. Голос был резким, чужим. Будто я заняла у него денег и не отдала.

Я опешила.

— Я... я в институте. Спускаюсь.

— Я уже десять минут стою у входа, — перебил он. На фоне слышался нервный стук пальцев по рулю. — Алиса, у меня нет времени ждать.

— Макс, ну подожди, — попыталась говорить мягко, чувствуя на себе внимательный взгляд Островского. — Я просто провожу экскурсию нашему новому профессору, ректор попросил...

— Мне плевать, кого ты там водишь и кто попросил! У меня встреча через полчаса на другом конце города! Если ты не выйдешь через минуту, поедешь домой на метро. Или пешком.

Он бросил трубку.

Я стояла, прижимая телефон к уху, и слушала гудки.

Мой Максим? Мой «золотой» муж, который всегда открывает мне двери и называет «зайкой»? Он никогда, слышите, *никогда* так со мной не разговаривал. Он даже голос не повышал, когда я разбила его любимую кружку.

— Всё в порядке? — спросил Давид. Спокойно. Без тени насмешки.

— Да. Муж... торопится. Пробки. Нервничает.

В этот момент прозвенел звонок с последней пары.

Это было похоже на прорыв плотины. Двери аудиторий распахнулись, и в коридор хлынула лавина студентов. Они неслись к выходу, сметая всё на своем пути. Гул, смех, топот сотен ног.

Я была слишком дезориентирована звонком мужа. Застыла посреди потока, как идиотка.

Какой-то парень с рюкзаком размером с дом, пробегая мимо, с размаху задел меня плечом.

— Ой, сорри! — крикнул он, даже не обернувшись.

Меня повело.

Каблук подвернулся, ноги, и без того ватные от присутствия Давида, отказались держать равновесие. Я начала падать назад, неуклюже взмахнув руками.

«Ну вот и всё, Алиса Викторовна. Сейчас ты растянешься на грязном полу у ног кумира. Финита ля комедия».

Но я не упала.

Руки перехватили меня поперек талии. Рывок. И я спиной впечаталась в твердую мужскую грудь.

Это длилось, наверное, секунду.

Но для моего воспаленного мозга это была вечность.

Давид Островский поймал меня. Он стоял сзади, как скала. Его ладони лежали на моей талии — широко, уверенно, по-хозяйски. Я чувствовала жар его тела через тонкую ткань блузки. Я чувствовала, как его грудная клетка поднимается и опускается при дыхании прямо у моих лопаток.

Он просто удержал меня от падения.

Никакого подтекста. Чистый рефлекс мужчины, который видит падающую женщину. Любой нормальный мужик сделал бы так же.

Он не прижимал меня специально. Не гладил. Не шептал пошлостей.

Но, боже мой, что творилось внутри меня!

От места, где его ладони касались моих боков, по всему телу прошел электрический разряд такой силы, что у меня перехватило дыхание. Внутренности скрутило сладким спазмом.

Моя фантазия, которая до этого тихо тлела, вспыхнула ядерным грибом.

«Не отпускаяй», — вопило мое подсознание. — «Пожалуйста, сожми сильнее. Разверни меня к себе. Прижми к стене прямо здесь, при всех, и сделай то, о чем я мечтала все эти ночи».

Его запах — табак и сандал — накрыл меня с головой. Я на секунду прикрыла глаза, позволяя себе раствориться в этом ощущении защищенности и животной силы.

Контраст был убийственным.

Минуту назад мой муж орал на меня по телефону, унижая и торопя.

А сейчас чужой мужчина, которого я едва знаю, держал меня так, словно я — самое ценное, что есть в этом мире, и он не даст мне упасть.

— Осторожнее, Алиса, — его голос прозвучал над моим ухом. Низкий. Вибрирующий. Спокойный.

Он медленно, аккуратно поставил меня на ноги, убедившись, что я держу равновесие, и только потом убрал руки.

Кожа на талии горела огнем. Казалось, на блузке остались выжженные отпечатки его пальцев.

Я обернулась. Давид стоял в шаге от меня, поправляя манжеты пиджака. На его лице не было ни тени волнения или флирта. Просто вежливая забота.

— Вас не ушибли?

— Нет... — просипела. Ноги дрожали так, что я боялась сделать шаг. Коленки превратились в желе. — Спасибо. Я... меня муж ждет.

— Идите, Алиса. Не заставляйте мужа нервничать. До понедельника.

— До понедельника.

И вот я дома. Допиваю вино. Третий бокал? Четвертый? Кто считает, тот зануда. Максим где-то на «встрече». А я сижу на краешке нашей огромной, холодной супружеской кровати

и трогаю свою талию. Там, где ткань шелковой сорочки касается кожи, я всё еще чувствую фантомное тепло его рук.

Внизу живота тянет так сильно, что это уже не удовольствие. Это боль. Тупая, ноющая, пульсирующая боль неудовлетворенности. В голове всплывает голос мужа: «*Завтра пошалим, зуб даю*». Ага. Пошалили. Держи карман шире, Алиса.

Я встаю и иду к входной двери. Щелк. Поворачиваю задвижку внутреннего замка. Громко, решительно. Теперь, даже если Максим вернется раньше и у него будут ключи, он не войдет. Ему придется звонить в дверь. А я скажу, что спала и не слышала. Мне нужно это время. Мне нужна эта изоляция. Я хочу побыть наедине со своим грехом.

Я возвращаюсь в спальню, на ходу сбрасывая сорочку. Шелк падает к ногам, и я остаюсь абсолютно голой в свете ночника. Ныряю под одеяло, дрожа не от холода, а от предвкушения. Рука скользит под подушку. Мой розовый друг. Мой безотказный силиконовый любовник.

И включаю его сразу на максимум. Никаких прелюдий. К черту нежности. Я слишком голодна. Вибрация прошивает тело током. Я выгибаюсь дугой, закусывая губу, чтобы не закричать. В голове — не темнота. В голове — коридор института.

Я закрываю глаза и вижу это снова.

Толчок.

Я падаю.

И вдруг — удар о твердую грудь.

Его руки перехватывают меня.

Только в моей фантазии он не отпускает меня через секунду. Нет. В моей голове Давид разворачивает меня к себе. Его глаза черные, зрачки расширены. Он вдавликает меня в стену, прямо там, у всех на виду. Его рука скользит с талии ниже... на бедра... сжимает ягодицы...

— Ты ведь этого хотела, Алиса? — шепчет он мне в ухо своим низким голосом.

— Да... — шепчу в пустой спальне, раздвигая ноги шире.

Игрушка работает идеально. Я на грани. Я чувствую, как волна подступает к горлу, как пальцы сжимают простынь. В фантазии Островский грубо целует меня, кусая губы.

Еще чуть-чуть...

Сейчас...

Боже, как же хорошо...

И тут тишину спальни разрывает резкий звук. Телефон. Он лежал на тумбочке, прямо у моего уха.

Мелодия звонка вонзается в мой мозг, но тело уже не остановить.

Я на пике.

Падаю в бездну.

Мысль одна: «*Максим. Это Максим. Если не отвечу — будет скандал*».

Не глядя хватаю трубку, смахиваю ползунок ответа. Я пытаюсь сказать «Алло». Пытаюсь. Честно. Но вместо этого, на выдохе, на самом пике оргазма, из моего горла вырывается громкий, протяжный, бесстыдный стон:

Я замираю.

Тело всё еще бьется в конвульсиях удовольствия, вибратор жужжит где-то в одеяле, а я лежу с телефоном у уха, тяжело дыша, как загнанная лошадь.

В трубке — тишина. Потом — шорох. И голос. Не Максима.

— Простите... Алиса Викторовна?

Мир рухнул. Просто взял и осыпался пеплом мне на голову.

Это был Давид.

Я выронила бы телефон, если бы пальцы не свело судорогой. Кровь отлила от лица и ударила куда-то в пятки. Стыд обжег меня кипятком. Я только что простонала в ухо своему новому коллеге, профессору и объекту своих грязных фантазий.

— Д-давид Александрович? — мой голос дрожал, срывался на визг. Я судорожно шарила второй рукой под одеялом, пытаюсь нащупать кнопку выключения на вибраторе. Он, предатель, продолжал жужжать, и мне казалось, что этот звук слышен даже в Лондоне. — Извините... Я... я просто... спала. Кошмар приснился.

«Кошмар? Серьезно, Смирнова? Ты стонала так, будто выигрывала миллион долларов, а не от страха».

В трубке повисла пауза. Секунда, которая длилась вечность. Он слышал. Он не мог не слышать мое сбитое дыхание.

— Понимаю. Надеюсь, я вас не... прервал на самом интересном месте?

Я подавилась воздухом.

— Н-нет, что вы! — выпалила я, наконец вырубив чертову игрушку. Тишина в комнате стала оглушительной. — Я просто... Вы что-то хотели? Уже поздно.

— Простите за поздний звонок, — его тон снова стал официально-вежливым. — Ректор дал мне ваш номер на экстренный случай. Сказал, вы — мой ангел-хранитель в этом городе.

— И что... что у вас за экстренный случай?

— Голод, Алиса. Банальный человеческий голод.

— В отеле есть рум-сервис...

— Терпеть не могу еду в номерах. — перебил он. — Я вышел прогуляться. Город красивый, но я совершенно не знаю, куда податься. Вы не подскажете место, где можно съесть нормальный стейк?

Я закрыла глаза. Мое сердце колотилось где-то в горле.

— «Мясной клуб» на Пушкинской. Они работают до двух ночи. Там... хороший рибай.

— «Мясной клуб». Спасибо, Алиса. Вы меня спасли. Снова.

— Не за что. Спокойной ночи, Давид Александрович.

— Спокойной ночи, Алиса... Викторовна. И... сладких снов.

Он положил трубку. Я отшвырнула телефон на другой конец кровати, как ядовитую змею. Уткнулась лицом в подушку и заорала.

В понедельник мне придется смотреть ему в глаза.

Господи, пусть наступит конец света.

Пожалуйста.

Глава 6

Я не спала. Я лежала, глядя в потолок, и прокручивала в голове свой стон в трубку Давида Островского. Я пыталась убедить себя, что мне приснилось падение с обрыва, а не оргазм. Но кого я обманываю?

Замок щелкнул.

Максим ввалился в прихожую, споткнулся о собственные ботинки и выругался. От него пахло дорогим виски, сигаретами и тем специфическим запахом «деловой встречи», которая плавно перетекла в пьянку в бане. Он даже не зашел в спальню. Рухнул на диван в гостиной прямо в одежде. Через минуту дом огласил храп.

Мой идеальный муж. Мой принц. В дрова.

Я встала, закрыла дверь в спальню поплотнее и поняла: если я сейчас не уйду из дома, я его задушу подушкой. А это статья, и в тюрьме не дают читать лекции.

В десять утра я уже сидела в машине Кати.

— Ты выглядишь как зомби, которого эксгумировали, а потом закопали обратно, потому что он слишком страшный, — «подбодрила» меня подруга, выруливая с парковки. — Тебе срочно нужна реанимация. Кредиткой.

— Мне нужно стереть память, Кать. Желательно за последние двенадцать часов..

— О, подробности потом! Сначала — шопинг. У кого в понедельник день рождения? У тебя! Тридцать три года — возраст Христа, Алис. Пора воскресать!

Мы приехали в торговый центр. Катя, как гончая, взяла след и потащила меня по бутикам. Я вяло сопротивлялась, трогая вешалки. Мне ничего не хотелось. Мне хотелось залезть в нору.

— Смирнова! — Катя вынырнула из рядов с одеждой, держа в руках *Ego*. — Если ты это не примеришь, я перестану с тобой разговаривать.

Это было платье. На первый взгляд — ничего особенного. Мой любимый «профессорский» стиль. Темно-сливовое, почти черное. Глухой ворот под горло, длинные рукава, длина строго ниже колена. Никаких декольте, никаких разрезов. Монашка на выгуле.

— Кать, оно скучное, даже для меня.

— Надевай, дура! — она буквально втокнула меня в примерочную.

Я стянула джинсы, натянула эту ткань... и замерла.

Ткань. Это был какой-то хитрый, очень плотный трикотаж с эластаном. Оно не просто село. Оно облепило меня.

Платье стало моей второй кожей.

Оно закрывало всё, но при этом показывало абсолютно всё. Каждый изгиб талии, крутизну бедер, форму груди (хотя там не было ни выреза, ни пуговиц). Я повернулась боком к зеркалу. Моя задница в этом платье выглядела как произведение искусства. Или как призыв к действию.

Это было самое целомудренное и одновременно самое развратное платье, которое я когда-либо видела.

— Ну как? — Катя просунула голову за шторку и присвистнула. — Мать честная! Алиса, это пожар. Ты в нем выглядишь как строгая училка, которую хочется наказать.

— Кать! Я не могу в этом пойти на работу. Студенты перестанут учиться.

— Зато преподавательский состав начнет! Всё, я беру. Это мой подарок тебе на день рождения.

— Нет, я...

— Молчать! Ты клянешься, слышишь, клянешься своей докторской диссертацией, что наденешь его в понедельник! Ты именинница, тебе можно всё!

Я вздохнула, глядя на себя в зеркало. В этом платье я чувствовала себя... опасной.

— Ладно. Клянусь.

Следующие три часа прошли в блаженном тумане. Массаж всего тела, маска для лица, укладка. К четырем часам дня мы сидели в мягких креслах на педикюре. Администратор салона, зная Катю (она тут VIP-клиент), принесла нам бутылку холодного Пино Гриджио.

Алкоголь развязал язык. Напряжение ночи, стыд перед Островским и злость на Максима вырвались наружу.

— Алис, — Катя сделала глоток вина, пока мастер колдовал над её пятками. — А что у тебя с Максом? Ты какая-то дерганая. Он тебя обижает?

— Нет. Он идеальный. Просто... мы почти не видимся.

— Ну, работа, понимаю. Но ночи-то у вас общие?

Я горько усмехнулась.

— Ночи общие. А толку? Катя, у нас секса не было уже почти месяц.

Катя поперхнулась вином. Мастер педикюра испуганно подняла голову.

— Месяц?! Алиса, вы молодые, здоровые люди! У вас детей нет. В чем проблема? У него... не стоит?

— Стоит. Наверное. По утрам точно. Просто он вечно устал. То голова болит, то ноги гудят, то встреча, то отчет.

Катя нахмурилась. Её лицо стало серьезным.

— Слушай, подруга. Я не хочу нагнетать, но... мужик, тридцать пять лет, здоровый лось, не спит с красивой женой месяц? Может, у него кто-то есть?

Сердце кольнуло.

— Нет. Исключено. Макс не такой. Он не умеет врать, у него на лице всё написано. Да и когда? Он работает по двадцать часов в сутки.

— Ну и чем он таким занят, что на жену сил нет? — скептически спросила Катя. — Вагоны разгружает?

— Хуже, — я вздохнула. — Ты же знаешь, он полгода назад открыл свой бизнес. Поставки элитной сантехники и керамогранита из Италии. У них там сейчас ад. Таможня груз задержала, склад переезжает, поставщики цены подняли. Он спит с телефоном в обнимку, ему плитка эта снится.

Я говорила это и верила сама себе. Керамогранит. Унитазы. Смесители. Это серьезно. Это большие деньги и большие нервы. Какой там секс, когда у тебя фура с мрамором на границе застряла?

— Плитка, значит... — протянула Катя, с сомнением глядя на меня. — Ну, может и плитка. Но, Алис, так нельзя. Ты засохнешь. Тебе мужик нужен, а не сосед по комнате.

— У меня день рождения. Он обещал ресторан. Сказал, сюрприз будет. Может, всё наладится?

— Дай бог, — Катя подняла бокал. — За твой новый год жизни, Смирнова! И за то, чтобы в понедельник в этом новом платье ты свела с ума всех мужиков в радиусе километра. Включая твоего плиточного магната.

Мы чокнулись.

Я улыбнулась, но внутри было холодно.

Я знала, что надена это платье. Но почему-то мне хотелось свести с ума не «плиточного магната», а того, кто звонил мне прошлой ночью и слушал, как я стону.

Глава 7

Понедельник. Мой личный Новый год. Тридцать три года. Я проснулась не от поцелуя. Не от того, что рука мужа скользнула мне под майку (глупые надежды, Алиса, оставь их для романов). Я проснулась от запаха.

Густой, сладкий, приторный аромат ударил в нос, словно я заснула в оранжерее. Или в похоронном бюро.

Я открыла глаза.

Все пространство перед моим лицом занимали цветы. Белые. Сотни белых лепестков. Огромный букет белых роз лежал на подушке рядом со мной, занимая место мужа.

Я смотрела на них и чувствовала, как внутри поднимается глухое, знакомое раздражение. Белые розы. Опять. Каждый год, шесть лет подряд, Максим дарит мне именно их.

Вы скажете: «Смирнова, ты зажралась. Мужик дарит тебе сто роз, а ты нос воротишь». Но вы не понимаете. Я психолог, я живу символами. Что такое белый цвет? Это чистота. Невинность. Стерильность. Это цвет невесты, которая еще ничего не знает, или цвет савана. Белый — это «безопасно». Это «благородно». Это «как принято в приличном обществе».

А я... я ненавижу белый.

Я хочу красные. Темные, бордовые, почти черные розы.

Пошлые? Возможно.

Вульгарные? Плевать.

Красный — это кровь. Это страсть. Это жизнь, которая бьет ключом. Красные розы кричат: «Я хочу тебя». Белые розы шепчут: «Я тебя уважаю».

А я не хочу уважения в постели утром своего дня рождения. Я хочу, блин, чтобы меня оттрахали.

Но Максим считает красные розы моветоном. «Это для любовниц, Алиса. А ты — жена». И вот я лежу в постели, заваленной этим белоснежным великолепием (их тут штук сто, не меньше, он никогда не экономит), и чувствую себя Снежной Королевой в склепе.

— С днем рождения, любимая! — Максим вошел в спальню с подносом. Он уже был одет, выбрит и пах мятной свежестью.

Я натянула улыбку.

— Спасибо, милый. Они... шикарные. Как всегда.

Я откинула одеяло, игнорируя холод и потянулась к нему. Мне хотелось обнять его. Мне хотелось почувствовать тепло живого человека, а не холодные лепестки. Потянулась к его губам, надеясь на долгий, утренний поцелуй.

Максим слегка отстранился. Едва заметно, но я почувствовала. Он ловко увернулся, подставив щеку.

— Лис, ну ты чего, — он сморщил нос, весело, но с брезгливостью. — Сначала зубы почисти. Утреннее дыхание, сама понимаешь.

Меня словно ледяной водой окатили.

Чистые зубы. Конечно.

Гигиена превыше всего.

Не дай бог нарушить стерильность нашего брака бактериями изо рта. В моей голове мелькнула мысль: *«Интересно, а если бы я сейчас набросилась на Островского, он бы тоже отправил меня чистить зубы? Или ему было бы плевать, чем я пахну, лишь бы я стонала?»*

— Поняла, — я резко отстранилась, чувствуя себя грязной дворнягой, которая пыталась лизнуть хозяина. — Иду проводить дезинфекцию.

Максим скользнул взглядом по моему голому телу. Взгляд был... оценивающим. Как будто он проверял, нет ли царапин на его любимой машине.

— Ты похудела, — заметил он одобрительно. — Молодец. Пилатес работает.

— Ага. Работает.

Я сгрэбла в охапку тяжеленный букет. Шипы были срезаны (он позаботился, чтобы я не укололась, какая ирония), стебли были гладкими и мокрыми. Я потащила этот «сноп сена» в гостиную.

Там, в углу, стояла напольная ваза из толстого прозрачного стекла. Я купила её три года назад специально для этого дня. «Саркофаг для роз», как я её называю. Ссилой запихнула цветы в вазу. Вода плеснула на пол.

— Стой там и символизируй нашу чистую любовь, — прошипела я букету.

Душ был горячим. Я терла кожу мочалкой до красноты, смывая с себя остатки сна, стыда за ночной звонок и обиды на мужа. Потом встала перед зеркалом. Тридцать три года.

— Ну что, Алиса, — сказала своему отражению. — Время надевать доспехи.

Я достала платье. Подарок Кати.

Надела линзы вместо очков. Мир стал четким и ярким. Ярко-красная помада (назло белым розам). Высокий хвост. И вышла на кухню.

Максим стоял у плиты, переворачивая оладьи (белковые, без муки, он же заботится о моем здоровье). Он обернулся на звук моих каблуков.

Замер. Лопатка в его руке застыла в воздухе. Он прошелся взглядом от моих туфель на шпильке до хвоста. Его глаза расширились и он присвистнул.

Громко, по-хулигански.

— Ничего себе. Алиса Викторовна, вы ли это?

— Я. Не слишком?

— Слишком, — честно сказал он, подходя ближе. В его глазах впервые за долгое время мелькнул настоящий мужской интерес. Он даже потянулся рукой к моему бедру, обтянутому тканию.

— Выглядишь... эффектно. Строго, но... провокационно. Тебя студенты не съедят?

Я увернулась от его руки.

— Пусть подавятся. У меня сегодня праздник, Максим. Я хочу выглядеть красиво.

— Ты выглядишь потрясающе, — он, кажется, даже не заметил, что я убрала его руку.

— Ладно, доедай, я отвезу тебя. Опаздываем.

Мы ехали в машине. Максим снова говорил по громкой связи о поставках керамогранита.

— Да, белый мрамор, три контейнера... Нет, матовый...

Я смотрела в окно и думала о том, что, ну сегодня то можно было... У меня же день рождение, можно же было сделать мне приятное.

— Ты сегодня молчаливая, — заметил он, сбросив вызов. — Всё нормально? Вечером ресторан в силе? В семь?

— В силе.

Он затормозил у крыльца института.

— Хорошего дня, именинница.

— И тебе.

Я вошла на кафедру, как входят в клетку с тиграми — с прямой спиной и готовностью к атаке.

Обычно здесь пахнет растворимым кофе и сплетнями. Сегодня пахло завистью.

Разговоры стихли ровно в ту секунду, когда моя нога в туфле на шпильке переступила порог.

Зоя Павловна, наш бессменный секретарь и хранительница нравственности (ей семьдесят, и она считает, что джинсы — это одежда сатаны), поперхнулась сушкой.

Анатолий Борисович, тот самый философ, уронил ложечку.

Они смотрели на меня. Точнее, на Него. На мое платье.

— Доброе утро, коллеги, — произнесла я громко, проходя к своему столу.

Тишина.

Я ждала.

Я, черт возьми, ждала.

Где? Где дежурный торт из супермаркета? Где открытка, подписанная всем коллективом дрожащими руками? Где банальное «С днем рождения, Алиса Викторовна»?

В прошлом году они поздравляли лаборантку Лену, подарили ей мультиварку.

— Алиса Викторовна... — начала Зоя Павловна, поджимая губы. — У вас сегодня... проверка из Министерства? Или вы сразу в театр собрались?

Внутри меня что-то оборвалось.

Они забыли.

Мои коллеги, с которыми я работаю шесть лет, забыли про мой день рождения. Потому что сегодня понедельник. Потому что я не принесла торт. Потому что в Facebook у них отключены уведомления.

Я для них — просто функция. Расписание. Строчка в ведомости.

— Нет, Зоя Павловна, — я улыбнулась улыбкой акулы, почуявшей кровь. — Просто захотелось праздника. Жизнь, знаете ли, слишком коротка, чтобы носить серые мешки.

Я взяла журнал и вышла, хлопнув дверью чуть громче, чем следовало.

Обида жгла глаза. Глупая, детская обида. Хотелось плакать. Хотелось, чтобы кто-то обнял и сказал, что я важна.

Но я — Алиса Викторовна. Я кремень.

В коридоре меня перехватили студенты. Самые... как бы это помягче сказать... пронрыливые. Те, кому нужен автомат.

— Алиса Викторовна! — староста третьей группы, мальчик с бегающими глазками, сунул мне шоколадку «Аленка». — С днем рождения вас! Вы сегодня просто... вау! Мы всей группой желаем вам счастья, здоровья и поменьше отчислять!

— Спасибо, Сережа, — кивнула, принимая дар. — Но зачет всё равно будете сдавать по билетам.

Я вошла в аудиторию.

Первым делом — быстрый, сканирующий взгляд на галерку.

Пусто.

Его нет.

Давида Островского не было. Ни на последнем ряду, ни у окна, ни в углу.

Я выдохнула. Громко, с облегчением. Плечи расслабились.

Слава богу.

Я не готова была видеть его сегодня. Не после того стога в трубку. Не в этом платье, которое кричит о сексе. Если бы он посмотрел на меня сейчас своим темным, понимающим взглядом, я бы просто сгорела от стыда прямо за кафедрой.

Его отсутствие — это лучший подарок. Спокойствие.

Я подошла к доске, чувствуя на себе сотню взглядов студентов. Парни пялились откровенно, забыв про телефоны. Девушки шептались, разглядывая мой силуэт.

Сегодня я буду королевой драмы.

— Тема лекции, — я взяла мел, и он с хрустом прошелся по доске. — Теория межличностного притяжения. Или почему нас тянет к тем, к кому тянуть не должно.

Развернулась к залу. Теперь я была в своей стихии. Платье, каблуки, день рождения — всё это отошло на второй план. Здесь и сейчас я была не женщиной, которой забыли подарить торт. Я была мозгом.

— Физика учит нас закону всемирного тяготения, — начала я, опираясь бедром о край стола (удобно, кстати, в этом платье не походишь широким шагом). — Чем больше масса тел и чем меньше расстояние, тем сильнее притяжение. В психологии всё работает почти так же, только вместо массы у нас — ваши комплексы, а вместо расстояния — банальная доступность.

По аудитории пробежал смешок.

— Вы думаете, что ваш выбор партнера — это перст судьбы? Что вы встретили своего «единственного», потому что звезды сошлись? Чушь. Вы встретили его, потому что он живет в соседнем подъезде или работает в соседнем отделе. Это называется «эффект пропинквитности», или эффект пространственной близости.

Я начала ходить вдоль первого ряда.

— Эксперимент Фестингера, 1950 год. Студенческое общежитие. Знаете, кто становился лучшими друзьями? Те, кто жил у лестницы и почтовых ящиков. Почему? Потому что мимо них чаще ходили. Я остановилась напротив парня в толстовке с надписью «NASA». — Вы влюбляетесь не в душу. Вы влюбляетесь в того, кто просто часто маячит перед глазами. Мозг ленив. Ему проще полюбить то, что рядом, чем искать идеал на другом конце города. Если посадить вас в одну комнату с крокодилом на год, через шесть месяцев вы начнете находить его чешую весьма привлекательной. А через год назовете его «милым».

Студенты захохотали.

— Алиса Викторовна! — выкрикнул кто-то с галерки. — А как же «противоположности притягиваются»?

— Миф! Красивая сказка для голливудских мелодрам. В реальной жизни противоположности притягиваются только для того, чтобы устроить друг другу ад и развестись через год. Мы ищем подобие. Нам нравится тот, кто подтверждает нашу картину мира. Если вы любите Достоевского и тишину, а он — Моргенштерна и перфоратор, ваш брак спасет только глухота.

— Но ведь скучно же с одинаковым! — возразила девушка с первого ряда, накручивая локон на палец. — Должна же быть искра! Страсть!

— О, страсть... Мое любимое. Знаете, что такое страсть с точки зрения психологии? Это ошибка атрибуции возбуждения. Я вернулась к доске и нарисовала схематичный мост.

— Знаменитый эксперимент на мосту Капилано. Две группы мужчин. Одних пустили по надежному, широкому мосту. Других — по хлипкому, раскачивающемуся подвесному мостику над пропастью. На конце моста их ждала красивая девушка-интервьюер. Она просила заполнить анкету и оставляла свой номер телефона «на случай вопросов». — Я обвела взглядом аудиторию. — Как думаете, кто позвонил ей чаще?

— Те, кто на опасном мосту! — хором ответили несколько человек.

— Бинго. Почему? Потому что у них колотилось сердце от страха. Ладони потели, адреналин зашкаливал. Но мозг — штука хитрая. Он не сказал им: «Чувак, тебе страшно, потому что ты висишь над пропастью». Он сказал: «Чувак, у тебя колотится сердце, потому что эта девчонка — огонь!».

Я сделала паузу, наслаждаясь эффектом.

— Страх, стресс, опасность — всё это мы путаем с любовью. Поэтому «плохие парни» так популярны. Они создают вам проблемы, вы нервничаете, а думаете, что это любовь до гроба. На самом деле, это просто кортизол и адреналин играют в пинг-понг вашими нейронами.

— То есть любви нет? — спросил парень с «NASA» разочарованно. — Только химия и ошибки мозга?

— Любовь есть, но это не искра. Это работа. Это когда вы знаете, что у человека по утрам пахнет изо рта (тут меня кольнуло воспоминание об утре), что он разбрасывает носки, но вы всё равно не подсыпаете ему яд в кофе. Это осознанный выбор. А всё остальное...

— А всё остальное — это эволюционный механизм выживания, — раздался голос.

Громкий. Спокойный. Уверенный. Голос, который не принадлежал студенту. Он донесся откуда-то из «слепой зоны», из-за колонны в самом углу аудитории, где обычно спали двоечники.

Маркер в моей руке стал скользким.

Я медленно повернула голову.

Из тени колонны вышел Давид. Он был здесь.

Как долго?

С самого начала?

Студенты закрутили головами, пытаясь понять, кто посмел перебить лектора. А увидев Островского, притихли. Аура власти вокруг него была такой плотной, что её можно было резать ножом.

— Простите, что вмешиваюсь, коллега, — он слегка поклонился, не сходя с места. Его лицо было непроницаемым, только в глазах плясали те самые черти. — Но вы упускаете биологический фактор.

Мое сердце сделало кульбит.

— Биологический фактор, Давид Александрович? Мы здесь обсуждаем психологию. Душу, если позволите. А не просто набор гормонов.

— Одно без одного, другого не существует, — парировал он, медленно спускаясь по ступеням амфитеатра. Он шел к кафедре. Каждый его шаг отдавался гулким эхом в моей грудной клетке. — Ваш пример с мостом великолепен. Но вы забыли упомянуть про фенилэтиламин. То самое вещество, которое вырабатывается в мозгу в момент влюбленности. По своему составу оно, кстати, близко к амфетаминам.

Студенты ахнули и захихикали.

Давид подошел ближе и остановился в двух метрах от меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.